

Манойло А.В.¹ ©, 2020

Конфликт в Сирии и внешняя политика России

***Аннотация.** Настоящая статья посвящена исследованию современного состояния интернационализованного конфликта в Сирии и борьбы с международным терроризмом. Внутренний политический конфликт в Сирийской Арабской Республике, переросший в гражданскую войну и переживший в своем развитии несколько волн вторжения международных террористов, продолжает оставаться одной из самых серьезных проблем безопасности не только Ближневосточного региона, но и всего международного сообщества в целом. Сегодня этот конфликт носит гибридный характер: помимо правительственных сил Б. Асада, противостоящих различным группировкам вооруженной оппозиции – от сравнительно умеренной до радикальной и ультра-радикальной (террористической), – в конфликт со временем оказались вовлечены вооруженные силы и спецподразделения целого ряда стран (России, США, Турции, Ирана и др.), международные террористические организации (такие как «Аль-Каида», «Исламское государство» (ИГИЛ), «Братья-мусульмане»), частные военные компании (такие как «Силы тигров»), племенные и этнические формирования курдов, друзов, езидов, ассирийцев, туркманов, армян, ливанская Хезболла и многие другие. При этом*

---

¹ Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (cyberhurricane@yandex.ru).

на легальных основаниях – с согласия сирийских властей – в Сирии присутствуют только вооруженные силы России, Ирана и Ливана; остальные – Турция, США и их союзники по созданной ими же (без участия Сирии) «антитеррористической коалиции» такого мандата от Дамаска не имеют. На фоне ожесточенной войны с международным терроризмом (в первую очередь, с «Исламским государством» и «Хайят Тахрир аш-Шам»), введущейся Россией, Сирией и Ираном, наблюдается острое соперничество между Россией, США и Турцией за то, каким именно будет будущее Сирии, когда она будет очищена от международных террористов. Практика показывает, что, несмотря на военное поражение «Исламского государства» и фактическую ликвидацию на территории САР созданного им «халифата», ни США, ни Турция из Сирии уходить не собираются, сохраняя за собой контроль над теми частями некогда единой страны, которые им удалось занять под предлогом участия в «международном урегулировании» конфликта.

Ключевые слова: Сирия, Россия, терроризм, политика, международные отношения, безопасность.

Внешняя политика любого государства призвана отстаивать и реализовывать национальные интересы страны в любых, даже очень сложных и нестабильных условиях, вызванных несбалансированными изменениями и сдвигами в структуре системы международных отношений и современного мира в целом. Современная же политическая действительность «все больше определяется глобальной политической нестабильностью, в которую мир перешел в результате эрозии Вестфальской системы»; на фоне ее распада «происходит формирование нового миропорядка, основанного на принципах многополярности» [Будаев, 2014, с. 4].

Вместе с тем формирование нового миропорядка происходит в условиях нарастающей глобальной неопределенности и хаотизации международных отношений.

Ключевым направлением российской внешней политики продолжает оставаться «мобилизация коллективного отпора террористической агрессии, создание широкого антитеррористического фронта на основе международного права и под эгидой ООН», как было сформулировано в обзоре МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2015 году»

[МИД РФ., 2016]. При этом в борьбе с международным терроризмом Россия придерживается комплексного подхода, согласно которому победить терроризм только военным путем невозможно, «силовые действия должны сочетаться с мирным разрешением конфликтных ситуаций, содействием экономической реабилитации пострадавших государств, противостоянием экстремистской идеологии» [Внешнеполитическая., 2016, с. 2]. Последнее – особенно важно: так, по мнению израильского исследователя М. Крамера, «исламысты превращают ислам из традиционного смещения веры и политики в тотальную идеологическую систему» [Kramer, 1997], которой необходимо противостоять.

Примерами реализации Россией указанных принципов внешней политики являются запущенный при ее активном участии переговорный процесс в Астане (так называемый «Астанинский процесс», участниками которого стали Сирийская Арабская Республика, Россия, Турция, Иран, с одной стороны, и представители различных группировок сирийской «умеренной оппозиции» – с другой) и созданный по инициативе России национальный диалог Конгресс сирийского народа (Сочи, 29 января 2018 г.). Эти переговоры дополняют так называемый «Женевский переговорный процесс», идущий под руководством Стаффана де Мистуры, теперь уже бывшего специального представителя Генерального секретаря ООН по Сирии, между представителями легитимной сирийской власти и представителями различных по своим убеждениям и составу группировок вооруженной оппозиции. Благодаря «Астанинскому процессу» Сирия оказалась разделена на четыре зоны деэскалации, в пределах которых прямые боевые действия между сирийскими войсками и вооруженной оппозицией прекратились (на неопределенное время). За соблюдение «режима тишины» в каждой из зон отвечает одна из стран, вовлеченных в процесс урегулирования сирийского конфликта: за северную зону – Турция, западную – Иран, центральную – Россия и САР, на юге (провинция Дараа) за «режим тишины» отвечает Иордания (при поддержке российской военной полиции). Вследствие возникновения на карте Сирии этих зон и отказа (временного) находящихся там группировок от продолжения вооруженной борьбы режиму

Б. Асада удалось высвободить достаточное количество войск, сконцентрировать их в виде ударной группировки и, перейдя в контрнаступление на позиции «непримиримых», освободить Пальмиру, деблокировать Дейр-эз-Зор, разгромить основные силы группировок «Исламское государство» (ИГИЛ), «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ, бывшая «Джабхат ан-Нусра») и др. в провинциях Хама, Хомс, в Восточной Гуте (пригород Дамаска). Если бы не «Астанинский процесс», инициированный Россией, Башару Асаду просто не хватило бы войск для того, чтобы сдерживать натиск террористов по всем направлениям одновременно (армия САР за почти девять лет гражданской войны понесла колоссальные потери).

Энергичная вовлеченность России в дела Сирии способствовала ликвидации основных сил террористической группировки «Исламское государство» в этой стране и формированию предпосылок для политического урегулирования конфликта под эгидой ООН. Совместно с Ираном и Турцией Россия выступила гарантом договоренностей о прекращении боевых действий между правительственными силами и вооруженной оппозицией, а также выработала параметры проведения Конгресса сирийского народа – национального диалога с участием широкого круга представителей Сирии. Как справедливо отмечал Ф.О. Трунов, «урегулирование кризиса при ведущем участии РФ способствовало тому, что Сирия не скатилась в разряд «несостоявшихся государств» в результате крушения государственной власти, что неминуемо привело бы к росту угроз для ЕС в целом» [Трунов, 2016, с. 155].

Вооруженный конфликт в Сирии является типичным примером современного гибридного вооруженного конфликта, протекающего в условиях нарастающей интернационализации.

В Сирии, где первоначальных протестов в 2011 г. оказалось недостаточно для того, чтобы опрокинуть режим Б. Асада, «общество раскололось пополам» [Бакланов, 2012, с. 141], и в сжатые сроки был задействован запасной сценарий. Если сначала в качестве главной ударной силы (сетевых групп) использовались протестные движения, то из-за нехватки времени, а также из-за поддержки, которую Сирии оказывал Иран, США и их союзники из числа монархий Персидского залива перешли к использованию иррегулярных

транснациональных экстремистско-террористических формирований главным образом исламистского толка. Их усилили наемники и представители спецподразделений стран ближнего и дальнего зарубежья (инфильтрацию которых в среду боевиков осуществляли спецслужбы).

Гибридная природа непрекращающегося конфликта в Сирии связана не только с тем, что в нем наряду с классическими «вестфальскими» актерами активно участвуют еще и заведомо неклассические акторы, такие как всевозможные племенные ополчения и террористические организации, но и с тем, что именно неклассические акторы используются нациями-государствами для продвижения своих интересов и оказания вооруженного давления на соперников (или на аффилированные с ними силы). У монархий Персидского залива, Турции, Ирана, США есть свои подконтрольные и находящиеся на содержании группировки, которыми они манипулируют в сложной политической игре, ведущейся на территории Сирии, Ливии и Ирака. Именно эти группировки вступают в прямое лобовое столкновение между собой, а их «кукловоды» предпочитают оставаться над схваткой, наблюдая за происходящим со стороны и занимаясь конвертированием военных успехов своих «прокси» (парамилитарных вооруженных формирований) в собственные политические дивиденды. Только российская армия участвует в этом конфликте напрямую, без привлечения наемников и частных военных компаний (ЧВК). Что касается сирийских вооруженных сил, то они действуют в тесном содружестве с иранскими (подразделения КСИР, Аль-Кудс, батальоны моджахедов из Афганистана, дивизия афганских добровольцев «Лива Фатимиюн», дивизия пакистанских добровольцев «Лива Зейнабиюн», различные иранские ЧВК и др.) и ливанскими контингентами Хезболлы, с частными (по сути) военными компаниями типа «Силы тигров», «Охотники на ИГИЛ» (состоящими из сирийцев) и «Бадр» (состоящей из иракцев), с подразделениями баасистского ополчения «Шабиха», с шиитской милицией, сформированной из бывших мирных граждан в поддержку армии. США также используют в своих целях как многочисленные группировки так называемой «умеренной оппозиции», так и отдельные курдские формирования

(Сирийские демократические силы – СДС), боевые отряды ассирийцев-христиан. Турция использует подконтрольные ей группировки так называемой «Сирийской свободной армии» и туркоманские батальоны. Эта мозаика взаимопересекающихся интересов и неклассических акторов, вовлеченных в их реализацию, и определяет гибридную природу современного сирийского конфликта.

К сожалению, приходится признать, что вооруженный конфликт в Сирии будет продолжаться еще очень долго. Как справедливо отмечают С.С. Веселовский и А.Г. Волеводз, «сегодня не вызывает сомнений, что борьба с терроризмом будет носить длительный характер» [Веселовский, Волеводз, 2016, с. 515]. Резолюция Совета Безопасности ООН № 2254 (2015) о ситуации в Сирийской Арабской Республике содержит подробный, пошаговый план урегулирования вооруженного конфликта между режимом Асада и оппозицией (гарантами исполнения этого плана выступают США и Россия, внесшие проект этой резолюции на голосование в Совет Безопасности ООН), но по-прежнему нет твердой уверенности в том, что он будет выполнен всеми участниками конфликта (прямыми и косвенными), в том числе самими Соединенными Штатами и их союзниками – Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, имеющими влияние на вооруженную оппозицию.

Согласно плану мирного урегулирования, содержащемуся в Резолюции СБ ООН № 2254, все группировки сирийской оппозиции, состоящие из сирийских граждан (не иностранных наемников, не джихадистов) и не замеченные в тесных связях с «Исламским государством», «сбривают бороды» и превращаются в «умеренную оппозицию», с которой можно вести переговоры за одним столом. Именно эти люди – бывшие боевики – пойдут на выборы президента Сирии, предусмотренные планом мирного урегулирования, изложенным в Резолюции СБ ООН № 2254. Но от смены названия суть «умеренной оппозиции», очевидно, не изменится. В результате Сирия может оказаться перед угрозой полноценной «цветной» революции, которая будет разворачиваться по классическому сценарию: если на выборах Б. Асад получит большинство голосов (а, по-видимому, так и будет, поскольку население освобожденных от «Исламского государства» территорий скорее всего

проголосует за Асада), «умеренная оппозиция» оспорит результаты выборов, заявит об их непризнании, откопает спрятанное оружие, и цветная революция очень быстро перерастет в вооруженный мятеж. Затем – гражданская война, линия фронта, удерживаемая сирийской армией против террористического интернационала джихадистов со всего мира, – то же, что и сейчас происходит в Сирии. И гибридный конфликт в Сирии может получить второе дыхание.

При этом нельзя не учитывать тот факт, что современный терроризм, реагируя на новые формы и методы борьбы с ним, не остается неизменным и также быстро меняется, стремясь приспособиться (адаптироваться) к новым условиям. Сегодня терроризм повсеместно носит международный (интернационализованный и трансграничный) характер. По мнению И.Д. Звягельской, современный терроризм отличают «умение театрализовать собственные преступления», способность «продвигать и обеспечивать реализацию своих идей и военно-политических задач» [Звягельская, 2018, с. 56]. За последние несколько десятилетий террористические организации не только вышли на международный уровень и стали по-настоящему транснациональными, но и сделались структурно более сложными, сетевыми сообществами. В их пространственно распределенной структуре помимо множества центров управления появились конспиративные ячейки, каждая из которых отвечает за террористическую активность в собственном «домашнем» регионе. Ликвидация любой из них теперь не дает гарантии выхода на центр управления террористической деятельностью, о существовании которого главари ячеек знают только из сообщений связников: в случае возникновения опасности для одной из ячеек связи с ней легко рвутся. Террористические организации четвертого поколения в дополнение к сетевой структуре формируют на захваченных территориях органы военно-гражданской администрации со своей налоговой системой, превращая эти территории в «провинции» («вилайеты») самопровозглашенных «исламских государств». Подобные «провинции» возникают сегодня по всему миру, давая возможность террористам закрепить свою власть на захваченных пространствах. Именно такое квазигосударственное образование под названием «Исламское государство» возникло в 2012–2013 гг. на

территории Сирии и Ирака, и для его уничтожения потребовались многолетние колоссальные усилия не только правительств этих двух стран, но и всего международного сообщества: так, в САР квазигосударство игиловцев удалось уничтожить совместными усилиями сразу нескольких коалиций, а главную роль в этом играли наземные проиранские прокисилы, Сирийская арабская армия (САА), подразделения, подготовленные российскими Силами специальных операций (ССО), и курды; в Афганистане же группировки «Исламского государства» и движения Талибан не только не разгромлены, но за последние годы заметно увеличили свое влияние.

В целом, хотя в Сирии и Ираке ИГИЛ потерпело военное поражение, а сам «халифат», возникший на территории этих двух стран, уничтожен, тенденция трансформации международных террористических группировок в движения по созданию собственных квазигосударств вызывает большую тревогу. Ключ к пониманию этих трансформационных процессов, происходящих с международными террористическими организациями, дают всесторонний анализ и систематизация опыта, приобретенного российскими Вооруженными силами и спецслужбами за годы войны с ИГИЛ в Сирии.

Главный вывод, который удалось сделать в результате многолетней войны с терроризмом в Сирии, состоит в том, что терроризм – явление объективное; в его основе лежит социальный фактор, поэтому искоренить терроризм нельзя, но это не означает, что с ним нельзя эффективно бороться. Террористические атаки всегда политически обоснованы; они нацелены, в первую очередь, на правящие элиты тех стран, которые террористы пытаются запугать или принудить к исполнению своей воли. При этом важно понимать, что терроризм не может существовать сам по себе. У террористических группировок обязательно есть внешние источники финансирования, потому что без поддержки извне они не в состоянии действовать и развиваться даже в «домашних» регионах – там, где население в определенной степени симпатизирует как их лозунгам, так и целям, которые они преследуют.

Когда терроризм начинает «поднимать голову», это, как правило, связано не с личными амбициями главарей группировок, а с

обострившейся борьбой за передел сфер влияния между международными игроками. Террористы всегда используются в большой игре между странами, которые претендуют на влияние в определенном регионе и пытаются укрепить его за счет прямой или косвенной экспансии. Терроризм – это инструмент в борьбе против легальных политических сил, который всегда обслуживает чьи-то внешнеполитические интересы. И эти силы, в свою очередь, финансируют и снабжают оружием террористов.

Если задаться вопросом, кто финансирует террористов в Сирии и Ираке, то след приведет, в первую очередь, к монархиям Персидского залива – к той же Саудовской Аравии и Катару. В июне 2017 г. арабские государства напрямую обвинили Катар в финансировании и поддержке терроризма. Катар, в отличие от других монархий региона, фактически предоставил свою банковскую систему для обслуживания финансовых операций террористических группировок, стал их банкиром. Об этом было известно едва ли не с момента появления ИГИЛ в Сирии в 2012 г. – такую деятельность скрыть невозможно, но только в 2017 г. это поставили Катару в вину. И в настоящее время у ИГИЛ по-прежнему есть доступ к денежным средствам, спрятанным в Ираке, Сирийской Арабской Республике и соседних странах или хранящимся у доверенных лиц. Финансовые резервы ИГИЛ инвестируются также в коммерческие предприятия в Ираке, Саудовской Аравии, монархиях Персидского залива и других странах. В Сирии и Ираке ИГИЛ получает средства главным образом за счет контрабанды, вымогательства и похищений ради выкупа.

Нужно отметить, что все террористические организации и группировки, действующие в Сирии, разные. Основу ИГИЛ составляют либо иностранцы – бывшие военнослужащие армии Саддама Хусейна, либо наемники. «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ), военное крыло сирийской ячейки «Аль-Каиды» состоит в основном из граждан Сирии. Есть разного рода группировки, объединенные общим брендом «Сирийская свободная армия» (ССА), которые тоже состоят из местных жителей. У них разные цели и задачи, разная идеология. Более того, периодически ССА вступает в боевые столкновения с ХТШ, довольно ожесточенные, с применением тя-

желой артиллерии. Точно так же существуют большие противоречия в идеологическом плане между ХТШ и ИГИЛ. Тем не менее, когда встает вопрос о борьбе с «крестоносцами» или с Башаром Асадом и его союзниками, эти идеологические расхождения мгновенно забываются, группировки объединяются и выступают против антитеррористических сил единым фронтом – они успешно координируют свои усилия, все их разведывательные и контрразведывательные органы действуют согласованно и синхронно (в качестве примера можно привести группировку «Хайят Тахрир аш-Шам», которая к осени 2019 г., «подмяв» под себя другие группировки, контролировала до 80% территории провинции). При этом против террористов выступает сильно разобщенный, фрагментированный конгломерат стран: Запад действует отдельно от России и Сирии, и даже страны Запада действуют отдельно друг от друга. Поодиночке они часто получают чувствительные удары от единого террористического фронта.

У террористических группировок четвертого поколения, таких как ИГИЛ, очень хорошо развита военно-гражданская система управления. Главная цель такой системы – закрепление контроля над завоеванными территориями и планомерный, системный грабеж этих территорий на нужды «джихада» и высшего руководства террористов. Эту систему создали специалисты, имеющие опыт государственного управления. Среди боевиков ИГИЛ много бывших чиновников и функционеров партии БААС, которые после падения режима Саддама Хусейна были подвергнуты сегрегации. Прообраз ИГИЛ сформировался еще в 2006 г.: группировка, которая тогда называлась «Исламское государство Ирака», образовалась на базе иракской ячейки «Аль-Каиды» и 11 мелких баасистских группировок (это были в основном неисламистские партизанские группировки суннитского сопротивления, которые воевали против американцев). То есть у ИГИЛ изначально было необходимое количество кадров, знакомых с законами административного, гражданского, военного управления. Именно поэтому, если посмотреть на внутреннюю структуру ИГИЛ, можно отметить, что она выстроена очень логично, уровень координации всех частей и элементов системы очень высокий. Примерно на таком же уровне,

может быть, качественно чуть более низком, функционируют системы управления и в сирийской ячейке «Аль-Каиды» – в ХТШ. А раз такие системы управления у террористов уже существуют, установить координирующие связи между ними не сложно, тем более что в военной области группировки опираются на полевых командиров, которые хорошо знают друг друга. Кроме того, у террористов в Сирии и Ираке хорошо отлажена система мобилизации.

Анализируя эволюцию организационной структуры и принципов формирования террористических группировок, можно выделить четыре последовательных этапа, при прохождении которых они приобретали новые качества.

К террористическим группировкам *первого поколения* относятся группировки, построенные по мононациональному либо моноэтническому принципу, деятельность которых не выходит за пределы «домашнего» региона. Это, например, баскские и корсиканские сепаратисты, Ирландская республиканская армия. Их идеология, как правило, носит «национально-освободительный» (характеризуемый крайним национализмом) характер, но в качестве инструментов борьбы выбраны террористические методы. Терроризм вообще долгое время существовал в виде именно таких националистических либо религиозных группировок, у которых не было амбиций распространить свое влияние по всему миру. Их задачей было добиться конкретных политических результатов в своем регионе, используя методы устрашения.

Качественный эволюционный сдвиг в структуре и принципах действия группировок произошел, когда на арену вышло движение Талибан. Внешне оно монолитно, амбиции группировки не выходят за пределы «домашнего» региона (под которым понимается территория Афганистана и часть территории Пакистана). В этом отношении Талибан похож на группировки первого поколения. Различия проявляются в том, что с точки зрения идеологии группировки первого поколения всегда монолитны, а в нынешнем Талибане существуют три основные идеологические концепции, которые сильно конфликтуют между собой.

Носителями первой идеологической концепции являются уцелевшие «вожди», которые стояли у истоков движения и воз-

главляли борьбу еще против советского военного присутствия: Хайбатулла Ахундзада и его окружение, мулла Барадар Ахунд и др. (прежде сходной позиции придерживались мулла Мухаммад Омар – до своей гибели в 2013 г. – и Ахтар Мансур – до гибели в 2016 г.). Их идеология всегда была проста – освобождение «родной земли» от «пришельцев», борьба с коммунизмом как с идеей, которая несет антирелигиозный посыл. Сейчас это люди преклонного возраста. Они всю жизнь воевали, добились высокого положения и денег у них хватает. Но поскольку они почти «не вылезали из окопов», у них не было возможности жить как нормальные люди и пользоваться своим богатством. Сейчас они понимают, что жизнь конечна, а они так и не пожили по-настоящему для себя. Именно эти лидеры выступают за возрождение диалога как с Западом, так и с Россией. Они толкают Талибан на переговоры с официальным афганским правительством и с теми силами, которые за ним стоят. Их основная идея – в том, что пора искать пути к национальному примирению.

Вторая группа – полевые командиры, которые примкнули к движению во время войны с «Северным альянсом», но еще до вторжения американцев. Они – носители строго национально ориентированной идеологии. Их главная военно-политическая задача – борьба с «крестоносцами», изгнание чужаков. Их амбиции тоже не выходят за пределы своей территории.

Третья группа талибов состоит из молодежи, родившейся во время бесконечной гражданской войны (например, Харун абу Мухаммад и другие «полевые амиры»). Они поддерживают джихадистские и исламистские лозунги, симпатизируют ИГИЛ и для них Афганистан «слишком тесен». Это молодое поколение считает, что предыдущие лидеры Талибана мешают «джихаду», который необходимо вести против всех, с кем надлежит бороться настоящему исламисту. Организации, состоящие из среднеазиатских боевиков Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и уйгуров (Исламское движение Восточного Туркестана), также симпатизируют ИГИЛ. Они сейчас под контролем у талибов, но если талибы заключат соглашение с афганским правительством, не исключено, что они примкнут к ИГИЛ.

Талибан – пример террористической группировки *второго поколения*, которая при внешней видимости своей монолитности, в идеологическом плане дробится на фракции; и каждая из этих фракций, следуя своим идеологическим принципам, может в любой момент стать ядром для начала вооруженного конфликта.

Террористические группировки *третьего поколения* появляются с развитием сетевых террористических структур. Первым примером возникновения группировки такого типа стала террористическая сеть «Аль-Каиды». Первоначально сетевая форма существования группировки была связана с единственным требованием – необходимостью соблюдения конспирации. Если организация состоит из отдельных ячеек, то можно ликвидировать одну, но при этом конспиративные каналы связи с другими ячейками будут оборваны. Поэтому, ликвидировав одну ячейку, скорее всего, не удастся выйти на управляющий центр. Лидеры «Аль-Каиды», создававшие свою сеть исходя из этих элементарных соображений, даже не догадывались, что в итоге получают новую систему управления подконтрольными территориями.

«Аль-Каида» покрыла своим ячейками значительное пространство. Как отмечают эксперты ООН, «если в недавнем прошлом террористические организации были закрытыми подпольными ячейками с иерархической структурой, то в настоящее время международный терроризм – это подпольная сеть», характерным признаком которой является ее «децентрализованная (ячеистая) структура» [Восьмой доклад., 2019]. Только на Ближнем Востоке существует около десятка этих ячеек. И все они в идеологическом, административном и военном планах действуют самостоятельно, автономно, сами выбирают цели, за исключением тех редких случаев, когда вся сеть проводит согласованную по целям и задачам глобальную операцию. Система вертикального подчинения срабатывает только для решения конкретной стратегической задачи. После проведения операции сеть снова действует, используя все доступные степени свободы. Это делает «Аль-Каиду» слабоуязвимой по отношению к действиям спецслужб, потому что с подпольем, построенным по сетевому принципу, очень сложно бороться. С другой стороны, это обеспечивает и целостность «Аль-Каиды».

Тот факт, что ячейки, действующие в разных регионах и имеющие разные интересы, до сих пор не разбежались, а продолжают существовать в рамках единого «бренда», говорит о том, что принцип конфедерации, лежащий в основе сетевой организации, очень удобен для региональных лидеров. Этот принцип поддерживает существование группировки в виде единой, консолидированной, хорошо организованной военной и идеологической силы.

«Исламское государство» – пример террористической группировки *четвертого поколения*. Это террористическая организация, построенная по сетевому принципу с претензией на создание квазигосударственного образования и с прицелом на формирование полноценного государства. От «Аль-Каиды» ИГИЛ отличается тем, что действия его ячеек – «вилайетов» – направлены не только на захват территории, но и на закрепление за ней определенного статуса. У сетевых группировок третьего поколения нет претензий на создание квазигосударственных образований. «Аль-Каида» принципиально не признает суверенитет государств и национальные границы и считает, что следует контролировать территорию, на которой создана ячейка, воздействуя на светских лидеров и политические элиты находящихся на этой территории государств. Для идеологов «Аль-Каиды» достаточно, чтобы ячейки покрывали определенное пространство и каждая осуществляла контроль над процессами в своем «домашнем регионе». А ИГИЛ ставит задачу формирования на захваченной территории гражданско-военной администрации и превращения этого района в пространство, где все, вплоть до бытовых норм, определяет верховная власть, которой является руководство данной группировки. «Аль-Каида» территории не захватывает, она их держит в страхе. ИГИЛ, захватив территорию, уже не выпускает ее из своих рук. В этом принципиальное отличие ИГИЛ от сетевых террористических группировок третьего поколения.

Одним из ключевых факторов эффективности современных террористических организаций является «транснациональная поддержка (интернационализация), обеспечивающая высокий уровень мобильности, оперативное передвижение, облегчающая деятельность по сокрытию членов террористических групп, а также даю-

щая террористическим организациям возможность слаженной координации действий на всех этапах террористической деятельности (вербовка, планирование, финансирование, реализация)» [White, 2006, p. 9–10].

В западных информационных источниках образ террористов часто «обеляют», выдавая их едва ли не за «борцов за свободу» [Lynch, 2015], а террористическую группировку ИГИЛ представляют как «суверенное государство нового типа». Так, «говоря об ИГИЛ, авторы текстов (в западных СМИ. – В. М.) чаще всего характеризуют его в качестве государства (56%); наиболее ярко данная тенденция представлена в материалах «USA Today» (74%)»; образ террористической организации «также весьма популярен в западных СМИ (45% от всего объема публикаций), чаще всего он встречается в публикациях американских «The New York Times» (59%) и «The Wall Street Journal» (69%), а также в британской «The Daily Telegraph» (66%)» [Образ ИГИЛ., 2018, с. 12].

Происходит это потому, что пропаганду в пользу «Исламского государства» тоже ведут в основном западные специалисты, которых ИГИЛ вербует по всей Европе. Это не исламисты, их не заставляют отращивать бороды и принимать ислам; их нанимают на хорошие зарплаты, заключают трудовые контракты с соблюдением всех принципов и предоставлением всех льгот, принятых в Европе. Поэтому в пропаганде исламистов используется много европейских штампов и приемов, превалирует европейский стиль подачи информации. Как справедливо отмечают Е.Г. Пономарева и А. Димитровска, «в организации и осуществлении террористической деятельности использование новейших коммуникативных и информационных технологий в продвижении радикальных идей, псевдоидеологий и в целях вербовки новых членов играет особую роль» [Пономарева, Димитровска, 2018, с. 37–38].

Европейских специалистов привлекает при этом, в первую очередь, высокий уровень оплаты их услуг. Причем эмиссары ИГИЛ нанимают в Европе не только военных специалистов или специалистов по информационной борьбе, но и специалистов по муниципальному управлению – чтобы выстраивать гражданскую администрацию на оккупированной территории, а также специа-

листов по экономике, нефтепереработке, сельскому хозяйству и, кроме того, – экспертов, разбирающихся в полезных ископаемых, потому что до недавнего времени ИГИЛ получало значительную прибыль от нелегальной торговли фосфатами, которыми богаты определенные районы Сирии. Наверняка нанимали и финансистов, чтобы взаимодействовать с мировой финансовой системой, поскольку все финансовые поступления в казну ИГИЛ все-таки проходят через определенные клапаны. До недавнего времени таким клапаном была финансовая система Катара; но чтобы взаимодействовать с международной финансовой системой, мало иметь клапан, надо еще уметь им пользоваться. Таким образом, против России в САР действует очень опасный, хорошо подготовленный враг в лице международных террористов.

Известно, что воевать за ИГИЛ уезжают не только ради денег, но и из чисто идеологических соображений. Но что привлекательного в лозунгах террористов? Почему в ряды террористических организаций вступают люди из разных сословий, с разным уровнем образования, достатка, причем часто вполне обеспеченные?

Ответ на этот вопрос одновременно и очень сложен, и достаточно прост. Проблема в том, что идеология ИГИЛ, с одной стороны, воспроизводит общечеловеческие принципы, а с другой – во многом копирует идеологию большевиков. Сами «игилевцы» говорят, что с точки зрения борьбы за справедливость, равенство и братство они являются «прямыми наследниками» Советского Союза. В их пропаганде встречаются заявления, что, после того как СССР, выступавший за справедливость и равенство, противостоявший мировой империалистической системе, распался, некому было подхватить знамя этой борьбы. И вот появилось ИГИЛ, которое стало защитой для всех несправедливо обделенных. Но в то же время многие западные ученые считают, что в изменении мотивации действий террористов и «повышении боевой эффективности» террористических групп главную роль сыграл религиозный фактор: «именно радикальные формы религии, и прежде всего исламизм, позволяют преодолевать социальные и политические границы, оправдывать теракты борьбой за “священное дело”» [Раупе, 2009, р. 109–110].

Идеология ИГИЛ основана не только на концепции всеобщей справедливости (в том виде, в каком они ее понимают), но и на принципе стирания любых сословных и классовых перегородок. В некоторых арабских странах – к примеру, в Тунисе – молодой человек может получить бесплатное образование, но, каким бы талантливым он ни был, если его семья не принадлежит к политической элите, приватизировавшей власть, он никогда не сумеет войти в эту среду. Сословные перегородки есть и в современной России, но в арабских странах они выражены намного ярче. Их невозможно преодолеть. А ИГИЛ утверждает, что «все равны перед Богом» и социальных перегородок нет – они выстроены искусственно. «Приходи в наши ряды, – говорят идеологи ИГИЛ, – и, если будешь вести “праведный образ жизни” и воевать против тех, кто отверг наши ценности, ты можешь вырасти до халифа». И это действует даже на европейцев, которые понимают, что никогда не станут миллионерами, не «выпрыгнут» из среднего класса, а если попытаются, то найдутся «добрые люди», которые все равно помешают им подняться на другой уровень.

Что же касается покровителей террористов, то несомненно одно: спрос на теракты есть и они хорошо оплачиваются. Различные внешнеполитические силы нередко используют терроризм как «средство решения геополитических задач» [Hide, 2014, p. 375–376]. Таким образом, для международных террористов их деятельность – не только «священная война», но и довольно прибыльный бизнес. За право получать внешнее финансирование борется множество полукриминальных, полуэкстремистских и полутеррористических группировок; все они понимают, что получить финансирование они смогут только в том случае, если докажут свою эффективность и полезность. Теракты в виде нападений с ножами или наездов грузовиков на толпу – дело мелких группировок, которые пытаются показать, что заслуживают внимания крупных структур. Когда какая-нибудь группировка проводит резонансный теракт, эмиссары ИГИЛ «приклеивают» к теракту «ярлык» головной организации, говоря: «это наши люди» (или: «это акт вдохновения», как они это называют). После чего руководство маленькой группировки, совершившей теракт на свой страх и риск, может рассчитывать, что

попадет «под крыло» соответствующей ячейки ИГИЛ. Уровень благосостояния лидеров группировки резко возрастет, их влияние в «домашнем» социуме увеличится, у них появится возможность подчинить себе другие группировки. Именно такая система конкуренции, поддерживаемая из управляющих центров крупных террористических организаций, является основной причиной множественных мелких терактов, с которыми полиция европейских государств не в силах бороться, потому что не понимает логики, не понимает, почему террористы используют ножи, когда можно организовать взрыв. А дело в том, что у мелких группировок просто нет денег ни на материалы, ни на специалиста, который в состоянии сделать бомбу.

Учитывая, что международный терроризм непрерывно эволюционирует, чутко реагируя на происходящие в мире изменения (в том числе – на военное поражение ИГИЛ в Сирии и Ираке), на повестке дня встает новый вопрос: какими будут террористические группировки *пятого поколения*, т.е. во что трансформируется ИГИЛ, столкнувшись с эффективными действиями российских ВКС и других участников борьбы с международным терроризмом? Каким образом нынешняя система управления террористическими организациями осуществит переход с четвертого на пятый (пока еще не существующий) уровень? А этот переход произойдет обязательно, причем в самое ближайшее время.

Терроризм пятого поколения может появиться в результате сращивания вертикально интегрированной цепочки высшей бюрократии террористических группировок и национальной бюрократии тех стран, с территории которых террористы получают значительное финансирование. Сейчас подобное сращивание наблюдается в среде организованной преступности, например в сфере наркоторговли. У террористических организаций такого пока еще нет, потому что во всем мире терроризм воспринимается чрезвычайно негативно.

Однако западные страны поддерживают контакты с террористами: по крайней мере на уровне спецслужб США и работающих на лидеров террористов агентов верхнего эшелона (вспомним Усаму бен Ладена, который в начале своей карьеры был агентом ЦРУ).

По некоторым сведениям, террористы не хотели покидать Восточный Алеппо в том числе потому, что там действовал координационный штаб иностранных военных советников, среди которых были граждане США, Великобритании, Турции и Израиля (часть из них взяли в плен сирийцы и передали российской стороне в декабре 2017 г.). В период боев за район Восточного Алеппо американцы не случайно всеми правдами и неправдами пытались «продать» в ООН резолюцию о прекращении боевых действий. Их главной целью было не только уберечь от истребления террористов, которые еще могли бы пригодиться, но и получить возможность вывести оттуда военных советников. Террористы, очевидно, рассчитывали на прекращение огня – по всей видимости, им это обещали. Но американцам не удалось добиться своего, и вскоре появилась новость, что сирийский спецназ «случайно» наткнулся на подвал, где обнаружил с десяток старших натовских офицеров, а также инструкторов из Израиля, Турции, Иордании и ряда других стран. На самом деле обозленные боевики, вероятно, сами сдали этих военных советников, загнав их в один подвал, потому что американцы не выполнили обещания о том, что в ООН будет принята резолюция о прекращении боевых действий.

Итак, связи уже есть. И существуют предпосылки того, что рано или поздно, если с терроризмом не будут беспощадно бороться, а станут заигрывать, бюрократия будет включена в эти связи. Когда это произойдет? Не хотелось бы, чтобы это вообще произошло, но, по всей видимости, до появления международных террористических организаций новой формации осталось не более четырех-пяти лет.

Вместе с тем, несмотря на остроту ситуации в Сирии и сложность борьбы с международным терроризмом в этом регионе, для России главной проблемой в сфере сирийского урегулирования являются не террористы, а отношения с Соединенными Штатами Америки. Достигнув «дна» при Б. Обаме, с приходом Д. Трампа эти отношения «рухнули» еще ниже, до беспрецедентно низкого уровня за всю историю взаимоотношений наших держав, и еще одним подтверждением этого стал сирийский конфликт, хотя Россия «в решении глобальных и региональных проблем всегда была откры-

та для сотрудничества с США на принципах равноправия, взаимного уважения и учета интересов» [Внешиеполитическая., 2016, с. 5].

Несмотря на достаточно миролюбивые заявления Д. Трампа, в целом в отношениях с Российской Федерацией Вашингтон продолжает придерживаться политики давления, сдерживания России, навязывая эту линию своим европейским союзникам, в том числе и на сирийском направлении. В качестве инструмента давления на Россию США используют политику санкций, информационную войну.

Правовую основу политики санкций в отношении РФ на текущий момент составляет Закон S. 3336 «Об укреплении НАТО, борьбе с международной киберпреступностью и введении дополнительных санкций в отношении Российской Федерации», утвержденный Конгрессом США в августе 2018 г. и имеющий более короткую версию названия: «Закон о защите безопасности Америки от агрессии Кремля» [S. 3336., 2018]. В этом законе непосредственное отношение к сирийскому вектору внешней политики Российской Федерации имеют разделы 701, 708 и 709.

Так, в Законе S. 3336 сказано, что «в течение 90 дней после принятия закона госсекретарь США должен передать в Конгресс определение, подходит ли Россия под критерии государства – спонсора терроризма» (раздел 701); в связи с этим «госсекретарь должен передать в Конгресс доклад о возможных военных преступлениях и преступлениях против человечности, совершенных правительством России или полувоенными образованиями и контрактниками, действовавшими по его указанию в Сирии» (раздел 708) [Ibid.]. Цель такого хода – официально приравнять Россию к международным террористическим организациям, поставив ее на одну ступень с другими государствами, поддерживающими (по мнению США) терроризм: Ираном и Северной Кореей, т.е. юридически оформить известное высказывание бывшего президента США Б. Обамы о том, что «Россия, международный терроризм и вирус Эбола – одно и то же». Признание России «государством, поддерживающим международный терроризм», позволит применять к ней весь блок антитеррористического законодательства,

действующего в Соединенных Штатах, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Другим проявлением стремления причислить Россию к категории «террористических государств» является раздел 707, где утверждается следующее: «Конгресс считает, что правительство России злоупотребляет механизмами Интерпола в политических целях, чтобы преследовать и унижать политических оппонентов. США должны использовать свое влияние в Интерполе, чтобы помешать таким злоупотреблениям, включая приостановку для России возможности использовать подобные механизмы» [S. 3336., 2018]. Таким образом, данный нормативный акт возводит «мнение Конгресса» в ранг закона.

Как тут не вспомнить скандал, связанный с назначением российского представителя на должность директора Интерпола (в ноябре 2018 г.), которое было заблокировано группой стран, в числе которых оказалась и «ближайший друг России» Индия. Данные страны в ультимативной форме заявили, что, если на пост директора Интерпола будет назначен российский кандидат Александр Прокопчук, они выйдут из Интерпола – прекратят членство и какое-либо участие в работе этой организации [Выборы..., 2018]¹. Под беспрецедентным давлением Россия была вынуждена уступить и отказаться от своего законного права выдвинуть на этот пост своего представителя (который, кстати, должен был занять его автоматически – по ротации). Стоит добавить, что выдвинутому ультиматуму предшествовала чрезвычайно агрессивная информационная кампания в западных СМИ: утверждалось, что «Россия стремится поставить главой Интерпола своего человека для того, чтобы получить доступ к секретным базам данных на всех политиков во всех странах мира», чтобы затем «травить их, как Скрипалей»; «Россия использует Интерпол для преследования политических оппонентов»; «нельзя допускать, чтобы [намерения России] превращались в

---

¹ «Против нашего соотечественника с подачи Вашингтона развернута масштабная кампания. Голосовать за его конкурента в открытую призвал госсекретарь США Майк Помпео, а ранее группа американских сенаторов в открытом письме потребовала от администрации Трампа повлиять на Интерпол и не дать Прокопчику победить» [Выборы..., 2018].

практические действия» [Interpol should not., 2017]. Таким образом, политический миф, сформированный вокруг инцидента в Солсбери, был использован как инструмент в информационной войне против России для достижения конкретного результата. Фактически одна-единственная резонансная фраза: если проголосуете за российского кандидата, «вас всех будут травить, как Скрипалей», – спровоцировала выдвижение антироссийского ультиматума, правовую основу для которого сформировал раздел 707 Закона S. 3336, где была зафиксирована принципиальная позиция Конгресса США по данному вопросу.

Помимо прочего, в разделе 709 указанного закона присутствует норма, имеющая прямое отношение к российской внешнеполитической и военной миссии в Сирии: закон предписывает директору национальной разведки США (в координации с госсекретарем и министром обороны) передать в Конгресс доклад, содержащий оценку «желания и способности российского правительства обеспечить вывод из Сирии иранских сил или связанных с Ираном вооруженных групп», а также «оружия, технологий и сведений, прямо или косвенно переданных российским правительством режиму Башара Асада, ливанской группировке Хезболла, Ирану или связанным с ним силам в Сирии, которые угрожают безопасности или качественному военному превосходству Израиля» [S. 3336., 2018].

В целом вышеупомянутые разделы Закона S. 3336 закладывают основу для признания России страной, поддерживающей режимы, которые в США принято называть «террористическими» или «поддерживающими международный терроризм». На фоне дальнейшего обострения отношений США с Ираном подобные обвинения в адрес России являются весьма тревожным и опасным сигналом, так как лишний раз свидетельствуют, что Соединенные Штаты системно и планомерно формируют определенную обвинительную базу в отношении России, собирают (в том числе усилиями американской разведки) сведения о связях России с Ираном и различного рода проиранскими силами.

***

Следует констатировать, что сегодня ситуация в Сирии – не менее сложная, чем была в конце 2015 г. Несмотря на то что внешним противникам САР не удалось свергнуть Б. Асада, де-факто Сирия сейчас не является целым и суверенным государством. Благодаря действиям российских ВКС ИГИЛ потерпело в Сирии военное поражение, в результате чего «халифат» в своих прежних географических границах перестал существовать. Однако ячеистая структура этой террористической организации на территории САР практически полностью сохранилась, а позиции других, не менее опасных группировок (таких как «Хайят Тахрир аш-Шам») даже упрочились. При фактическом отсутствии долговременной стратегии пребывания России в регионе («ИГИЛ победили» – а что делать дальше, не ясно) сирийский конфликт имеет все шансы стать для России еще одной «историей», в которой Россия рано или поздно может оказаться «разменной картой» для ведущих мировых или крупных региональных игроков.

Литература

Бакланов А.Г. Сирия как системный сбой механизмов безопасности: Почему на Ближнем Востоке нужны принципиально новые подходы // Россия в глобальной политике. – М., 2012. – № 2. – С. 141–148.

Будаев А.В. Роль «мягкой силы» во внешней политике России (на примере российско-бразильских отношений): Автореф. дисс. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2014. – 24 с.

Веселовский С.С., Волеводз А.Г. Феномен международного терроризма // Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Аспект Пресс, 2016. – С. 497–518.

Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2015 году: Обзор / МИД РФ. – М., 2016. – 216 с.

Восьмой доклад Генерального секретаря об угрозе, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ) для международного мира и безопасности, и о спектре усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствам-членам в борьбе с этой угрозой / ООН. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 2019. – 01.02. – S/2019/103. – 21 с. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/2019/103> (Дата обращения – 02.11.2019).

Выборы главы Интерпола проходят на фоне интриг и провокаций против кандидата из России // Первый канал. – М., 2018. – 21.11. – Режим доступа: https://www.1tv.ru/news/2018-11-21/356005-vybory_glavy_interpo

la_prohodyat_na_fone_intrig_i_provokatsiy_protiv_kandidata_iz_rossii (Дата обращения – 02.11.2019).

Звягельская И.Д. Ближний Восток и Центральная Азия: Глобальные тренды в региональном исполнении. – М.: Аспект Пресс, 2018. – 224 с.

МИД РФ: Борьба с терроризмом стала главным направлением российской дипломатии в 2015 году // ТАСС. – М., 2016. – 26.04. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/3240996> (Дата обращения – 02.11.2019).

Образ ИГИЛ в зарубежных СМИ и произведениях массовой культуры: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» / Давыдов С.Г., Каширских О.Н., Логунова О.С., Пронкина Е.С., Савин Н.Ю. – М., 2018. – 20 с. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/11371/> (Дата обращения – 02.11.2019).

Пономарева Е.Г., Димитровска А. Балканский узел международного терроризма // Обозреватель. – М., 2018. – № 5. – С. 37–51.

Трунов Ф.О. Эволюция подхода ФРГ к решению «сирийской проблемы» // Клио. – М., 2016. – № 9. – С. 147–158.

Hide E. Islamic extremism in the Balkans as a geopolitical instrument // Mediterranean j. of social sciences. – Warsaw: Sciendo DeGruyter, 2014. – Vol. 5, Issue 6. – P. 375–380.

Interpol should not be abused as Putin's tool of revenge // Washington Post. – Wash., D.C., 2017. – 24.10. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/interpol-should-not-be-abused-as-putins-tool-of-revenge/2017/10/24/93270214-b81f-11e7-be94-fabb0f1e9ffb_story.html (Date of access – 02.11.2019).

Kramer M. Ballots and bullets: Islamists and the relentless drive for power // Sandbox: Harvard International Review. – Cambridge, MA, 1997. – Mode of access: <http://martinkramer.org/sandbox/reader/archives/ballots-and-bullets-islamists-and-the-relentless-drive-for-power/> (Date of access – 02.11.2019).

Lynch C. In Syria, Moscow's terrorist is Washington's freedom fighter // Foreign Policy. – Wash., D.C., 2015. – 23.12. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2015/12/23/in-syria-moscows-terrorist-is-washingtons-free-dom-fighter/> (Date of access – 02.11.2019).

Payne K. Winning the battle of ideas: Propaganda, ideology and terror // Studies in conflict and terrorism. – Abingdon-on-Thames: Taylor and Francis, 2009. – Vol. 32, Issue 2. – P. 109–128.

S. 3336: Defending American security from Kremlin aggression act of 2018 / US Congress. – Wash., D.C., 2018. – 01.08. – Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3336/text> (Date of access – 02.11.2019).

White R.J. Terrorism and homeland security. – Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2006. – 566 p.

DOI: 10.31249/ape/2020.02.06

Manoilo A.V.¹ ©, 2020
Conflict in Syria and Russian
foreign policy activism

***Abstract.** The article is devoted to the analysis of the current state of the internationalized conflict in Syria and the fight against international terrorism. The internal political conflict in the Syrian Arab Republic, which escalated into a civil war and survived several waves of invasion by international terrorists, continues to be one of the most serious security problems not only of the Middle East region, but also of the international community as a whole. Today this conflict is hybrid by nature: in addition to the government forces of B. Assad, opposing various groups of the armed opposition – from relatively moderate to radical and ultra-radical (terrorist), – in the conflict were eventually involved the armed forces and special forces of a number of countries (Russia, USA, Turkey, Iran, etc.), as well as international terrorist organizations (such as Al Qaeda, Islamic State of Iraq and Levant, Muslim Brotherhood), private military companies (such as «Tiger Forces»), tribal and ethnic formations of Kurds, Druze, Yezidis, Assyrians, Turkoman, Armenians, Lebanese Hezbollah and many others. Moreover, on legal grounds – with the consent of the Syrian authorities – only the armed forces of Russia, Iran and Lebanon are present in Syria; all others – Turkey, the United States and their allies in the «anti-terrorist coalition» they created (without Syria’s participation) do not have such a mandate from Damascus. Against the backdrop of a fierce war with international terrorism (primarily with the Islamic State and Hay’at Tahrir al-Sham) waged by Russia, Syria and Iran, there is a sharp rivalry between Russia, the USA and Turkey over what exactly will be the future of Syria when it will be cleared of international terrorists. Practice shows that, despite the military defeat of the Islamic State and the virtual liquidation of the terrorist «ca-*

---

¹ **Manoilo Andrey Viktorovich** – Sc.D. in Political Sciences, leading researcher, INION RAN, professor, Lomonosov Moscow State University (cyberhurrice@yandex.ru).

liphate» that it created, neither the United States nor Turkey are going to leave Syria, while retaining control over those parts of the once united country that they managed to occupy under the pretext of participation in the «international settlement» of the conflict.

Keywords: Syria, Russia, terrorism, politics, international relations, security.

References

Baklanov A.G. (2012). Syria as a systemic failure of security mechanisms: Why fundamentally new approaches are needed in the Middle East [*Siriya kak sistemnyi sbor mekhanizmov bezopasnosti: Pochemu na Blizhnem Vostoke nuzhny printsipial'no novye podkhody*] // Rossiya v global'noi politike. – Moscow. – N 2. – P. 141–148.

Budaev A.V. (2014). The role of «soft power» in the foreign policy of Russia (on the example of the Russian-Brazilian relationship): Ph.D. thesis abstract [*Rol' «myagkoi sily» vo vneshnei politike Rossii (na primere rossiisko-brazil'skikh otnoshenii): Avtoref. diss. ... kand. polit. nauk*] / DA MID RF. – Moscow. – 24 p.

Eighth report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat. (2019) / UN. Security Council. – New York. – 01.02. – S/2019/103. – 17 p. – Mode of access: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/S/2019/103> (Date of access – 02.11.2019).

Foreign and diplomatic activities of the Russian Federation in 2015: Overview [*Vneshnepoliticheskaya i diplomaticheskaya deyatel'nost' Rossiiskoi Federatsii v 2015 godu: Obzor*]. (2016) / MFA Russia. – Moscow. – 216 p.

Hide E. (2014). Islamic extremism in the Balkans as a geopolitical instrument // Mediterranean j. of social sciences. – Warsaw: Sciendo DeGruyter. – Vol. 5, Issue 6. – P. 375–380.

Interpol should not be abused as Putin's tool of revenge. (2017) // Washington Post. – Washington, D.C. – 24.10. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/opinions/interpol-should-not-be-abused-as-putins-tool-of-revenge/2017/10/24/93270214-b81f-11e7-be94-fabb0f1e9ffb_story.html (Date of access – 02.11.2019).

Kramer M. (1997). Ballots and bullets: Islamists and the relentless drive for power // Sandbox: Harvard International Review. – Cambridge, MA. – Mode of access: <http://martinkramer.org/sandbox/reader/archives/ballots-and-bullets-islamists-and-the-relentless-drive-for-power/> (Date of access – 02.11.2019).

Lynch C. (2015). In Syria, Moscow's terrorist is Washington's freedom fighter // Foreign Policy. – Washington, D.C. – 23.12. – Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2015/12/23/in-syria-moscows-terrorist-is-washing-tons-freedom-fighter/> (Date of access – 02.11.2019).

MFA Russia: The fight against terrorism became the main focus of Russian diplomacy in 2015 [*MID RF: Bor'ba s terrorizmom stala glavnym napravleniem rossiiskoi diplomatii v 2015 godu*]. (2016) // TASS. – Moscow. – 26.04. – Mode of access: <https://tass.ru/politika/3240996> (Date of access – 02.11.2019).

Payne K. (2009). Winning the battle of ideas: Propaganda, ideology and terror // Studies in conflict and terrorism. – Abingdon-on-Thames: Taylor and Francis. – Vol. 32, Issue 2. – P. 109–128.

Ponomareva E.G., Dimitrovska A. (2018). Balkan knot of international terrorism [*Balkanskii uzel mezhdunarodnogo terrorizma*] // Obozrevatel'. – Moscow. – N 5. – P. 37–51.

S. 3336: Defending American security from Kremlin aggression act of 2018. (2018) / US Congress. – Washington, D.C. – 01.08. – Mode of access: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3336/text> (Date of access – 02.11.2019).

The election of the head of Interpol is taking place against the backdrop of intrigues and provocations against a candidate from Russia [*Vybory glavy Interpola prokhodyat na fone intrig i provokatsii protiv kandidata iz Rossii*]. (2018) // Pervyi kanal. – Moscow. – 21.11. – Mode of access: https://www.1tv.ru/news/2018-11-21/356005-vybory_glavy_interpola_prohodyat_na_fone_intrig_i_provokatsiy_protiv_kandidata_iz_rossii (Date of access – 02.11.2019).

The image of ISIS in foreign media and mass cultural works: Report of the Valdai International Discussion Club [*Obraz IGIL v zarubezhnykh SMI i proizvedeniyakh massovoi kul'tury: Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai»*]. (2018) / Davydov S.G., Kashirskikh O.N., Logunova O.S., Pronkina E.S., Savin N.Yu. – Moscow. – 20 p. – Mode of access: <http://ru.valdaiclub.com/files/11371/> (Date of access – 02.11.2019).

Trunov Ph.O. (2016). The evolution of the FRG approach to solving the «Syrian problem» [*Evolyutsiya podkhoda FRG k resheniyu «siriiskoi problemy»*] // Klio. – Moscow. – N 9. – P. 147–158.

Veselovskii S.S., Volevodz A.G. (2016). The phenomenon of international terrorism [*Fenomen mezhdunarodnogo terrorizma*] // Modern international relations [*Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya*] / A.V. Torkunov, A.V. Mal'gin (Eds.). – Moscow: Aspekt Press. – P. 497–518.

Zvyagel'skaya I.D. (2018). Middle East and Central Asia: Global trends in regional performance [*Blizhnii Vostok i Tsentral'naya Aziya: Global'nye trendy v regional'nom ispolnenii*]. – Moscow: Aspekt Press. – 224 p.

White R.J. (2006). Terrorism and homeland security. - Belmont, CA: Thomson Wadsworth. - 566 p.